

Только когда режиссёр крикнул «Стоп!», Цзин Ли наконец вышел из образа. Его звонкий смех из размытого превратился в чёткий. Придя в себя, Цзин Ли осознал, что всё это время, сгорбившись, писал и рисовал, и теперь поясница ноет.

— Ты сыграл превосходно! Когда сериал выйдет, ты обязательно получишь награду, непременно!

Цзин Ли взял воду и застыл, глядя, как покрасневшая девушка, выпалив это, умчалась прочь.

Е Юньян тоже с улыбкой подошёл к нему: «Цзин Ли, признавайся честно, ты ведь тайком занимался с преподавателем из Академии драмы? Такая игра многим выпускникам не по зубам».

Цзин Ли и сам не знал, как объяснить. Разве мог он сказать, что в какой-то момент во время игры ему вдруг всё показалось до странности знакомым, и он просто действовал на инстинктах?

Пришлось скромно благодарить за похвалы и отделяться шутками. Но в душе его грызла одна мысль.

Следующие две сцены были воспоминаниями персонажа Е Юньяня, где тому нужно было появиться в кадре с самим собой в детстве. Из-за графика юного актёра их снимали первыми.

Выкроив момент, Цзин Ли отыскал укромное местечко и, не раздумывая, позвонил Ню Усе.

После того обморока он пропустил кое-какие дела, и Ню Усе занималась перетасовкой его графика. Сегодня с ним был лишь один ассистент.

Телефон ответил почти сразу, и на фоне послышались чужие голоса.

— Ню-цзе, мне нужно кое о чём спросить. Можешь найти место, где можно поговорить? — попросил Цзин Ли.

На том конце провода Ню Усе что-то сказала, затем раздался шорох и щелчок защёлки. — Теперь можно. Говори.

— Сегодня я увидел новость. Одну из тех трёх девушек, которых подкупила Цици, убили. Я хотел спросить тебя...

— Спросить что? — в голосе Ню Усе слышалось недоумение.

Цзин Ли потыкал носком ботинка в землю:

— Помнишь, ты говорила, что когда собиралась всё устроить, Э Цзяо сказал, что разберётся с этими девушками? Вот я и хочу узнать, как именно он это сделал.

Ню Усе, кажется, достигла предела: «Господи, дорогой, у меня совещание! Я думала, дело важное. Э Цзяо — твой парень, а не мой, Ню Усе. Да и вообще, я так занята, как по-твоему, у меня есть время на отношения? Хочешь знать, как он уладил дело — звони ему сам. Как бы там ни было, он ведь не станет убивать. Чего ты мямлишь-то?»

Отрубившись после этой тирады, она оставила Цзин Ли в полном недоумении.

Оставив в стороне её жалобы на личную жизнь, Цзин Ли вдруг осознал, что с самого утра его

грызла именно эта мысль. Когда Ню Усе так уверенно заявила «он ведь не станет убивать», он внезапно понял: причина его беспокойства, его желания тут же позвонить и спросить крылась глубоко внутри. Там тихий голосок твердил ему снова и снова, что это дело, возможно, связано с Э Цзяо.

Э Цзяо и раньше говорил в его присутствии, что не оставит тех девушек в покое, и на лице его в тот миг мелькнула незнакомая жестокость. Цзин Ли думал, что Э Цзяо, по своему характеру, просто доставит им неприятностей, но, увидев новость, он усомнился.

А усомнившись, почувствовал вину за своё недоверие. И слова Ню Усе, хотя и не были обращены к нему, неожиданно раскрыли ему глаза. Ещё недавно он мучился вопросами о чувствах, а оказалось, что даже самого простого доверия между ними нет.

Пока Цзин Ли углублялся в эти невесёлые мысли, его окликнул ясный мужской голос:

— Ты что тут притаился? Скоро твоя сцена.

Цзин Ли поднял голову. Это был Е Юнъянь. Взглянув на телефон, он понял, что прошло меньше двадцати минут. Е Юнъянь, настоящий мастер, видимо, снял все свои сцены с первого дубля.

— Прости, звонил кое-кому, — смущённо сказал Цзин Ли.

Е Юнъянь пристально смотрел на него, и Цзин Ли стало не по себе.

— Что такое? У меня что-то на лице? — спросил он, проводя рукой по щеке.

Е Юнъянь улыбнулся: «Нет, лицо чистое и красивое. Я хотел сказать, что если на площадке понадобится помощь, можешь обращаться ко мне. Мы ведь знакомы очень-очень давно. Цзин Ли, ты правда не помнишь?»

Цзин Ли: «???»

Вернувшись на съёмочную площадку, Цзин Ли так и не вспомнил, где мог пересекаться с Е Юнъянем. А тот, бросив эту фразу, больше не возвращался к теме.

Что Цзин Ли знал о Е Юнъяне? Давно знал, ведь тот был детской звездой. Хоть он и старше всего на несколько лет, Цзин Ли мог с гордостью заявить: он вырос на сериалах с Е Юнъянем!

Но кроме этого он действительно ничего о нём не знал, пока они не познакомились на записи «Одной песни». По крайней мере, так ему казалось.

Раз вспомнить не удаётся, значит, не стоит и ломать голову.

Е Юнъянь лишь раз обмолвился, а в последующие два дня съёмки вёл себя так, будто и не говорил, что они знакомы. Хотя в процессе немало помогал Цзин Ли.

В одной из ключевых сцен персонаж Е Юнъяня под давлением и манипуляциями персонажа Цзин Ли — учёного-конфуцианца — наконец переступает черту и решается на отцеубийство.

В этой сцене им нужно было передать не только напряжение противостояния, но и сложную гамму эмоций героя Цзин Ли. Тот, по сюжету, сам всё подстроил. Его ужас на поверхности должен был выглядеть как шок от предательства приёмного сына, но в деталях сквозить извращённым торжеством и ощущением освобождения.

Подобную сложную игру даже для старой гвардии — задача не из лёгких, что уж говорить о таком новичке, как Цзин Ли.

Во время съёмок возникла ещё одна проблема. Мастерство Е Юнъяня — факт общеизвестный. И когда тот с мечом в руке шаг за шагом приближался к нему, возникало настолько реальное ощущение, что Цзин Ли начинал путаться, будто нечто подобное с ним уже происходило. Слезы текли сами собой.

Как выразился режиссёр, чувство предательства он передал превосходно, но вот то самое, слегка извращённое, торжество — совсем нет.

После нескольких дублей он каждый раз с самого начала погружался в атмосферу, созданную Е Юнъянем, и сцена заканчивалась одинаково. В итоге глаза покраснели от слёз, и пришлось поправлять грим.

Команда отнеслась с пониманием — первый же опыт. Но поскольку до этого съёмки шли гладко, Цзин Ли, столкнувшись с чередой провалов, чувствовал себя неловко, будто задерживал всех.

Е Юнъянь, заметив его смущение, специально подошёл обсудить сцену. Цзин Ли был в растерянности, не зная, как объяснить: мол, потому что ты играешь слишком хорошо, я каждый раз впадаю в состояние.

После перерыва сняли ещё пару дублей — результат тот же.

Сцена эмоционально тяжёлая, и под конец, наверное, устал и сам Е Юнъянь — играл уже не так убедительно. Зато это позволило Цзин Ли не так глубоко погружаться, и дубль, наконец, был принят.

Режиссёр, что называется, собаку съел. Уловив суть, хлопнул себя по бедру и решил смонтировать сцену из лучших моментов их игры. Так последняя сцена Цзин Ли и завершилась — почти что по воле случая.

Первый съёмочный опыт, совершенно новые ощущения. Прощаясь, Цзин Ли понял: сделать шаг в неизвестное не всегда так страшно. Напротив, ощущения могут быть весьма приятными.

После двух дней отдыха вновь настало время записи «Одной песни».

Тем временем Э Цзяо уже извинился перед Цзин Ли, и тот сказал, что не сердится. Он наивно полагал, что на этом всё и закончится, и они вернуться к прежним отношениям. Однако Э Цзяо после этого и не подумал связаться с ним первым.

Затаив обиду, Э Цзяо тоже не стал проявлять инициативу. На запись программы он шёл с тайной мыслью — проверить, не таит ли Цзин Ли на него зла.

<http://bllate.org/book/15943/1425114>